

АЛЛОМОРФИЗМ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ: КОНТРАСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье исследуется вопрос сопряженности номинативных и коммуникативных единиц, их интеграции в модусах речи и речевой деятельности. Идентифицируются общие черты номинативных и коммуникативных единиц в статусе языковых составляющих. Общие и сходные черты исследуемого объекта анализируются в русле эпидигматического бытия – на словообразовательных и семантических векторах. Контрастивные аспекты изучаются на материале поверхностных и глубинных структур номинативных и коммуникативных единиц в их статусе семиотических знаков. Обращается внимание на процессы эволюции, инволюции, на частеречные трансформации, морфологические и синтаксические модификации. Тексты малого жанра являются предметом концептуального анализа. При этом эмпатируется вопрос диады мышление::язык, их полифункциональности, полиаспектности, исследование которых представляется особенно валоративным в условиях действующей современной лингво-когнитивной парадигмы.

Ключевые слова: алломорфизм, номинативные единицы, коммуникативные единицы, семиотические знаки, интеграция, язык, речь, контрастивные аспекты, общие и отличительные черты.

Не бывает коммуникативных единиц (КЕ) без номинативных (НЕ). НЕ (слова и словосочетания) оживают в КЕ (высказываниях и текстах). В научной картине мира номинативные и коммуникативные единицы (**объект исследования**) отмечены полиаспектностью и полифункциональностью как такие, которым присущи общие и отличительные черты (**предмет исследования**). **Актуальность** темы объективируется модификацией современной научной парадигмы, возросшим интересом лингвистов к модусам Язык – Речь – Речевая деятельность [2].

Место исследования в кругу более широкой проблематики. Изучение природы НЕ и КЕ способствует осмыслению законов динамизма, антропоцентризма, адаптивности и креативности. Слова и словосочетания

принадлежат языку, тексты – речи (за исключением пословиц, поговорок и других воспроизводимых единиц). НЕ и КЕ, как семиотическим знакам, присущ симбиоз семантики, прагматики и синтактики поверхностных и глубинных структур, процессов компрессии и пролонгации. Слова и словосочетания компрессируются и пролонгируются по языковым паттернам сокращения, аббревиации и словосложения. Ср. англ.: *happy* → *happily*, *one* → *only*, *emotion* → *emote*, *competition* → *compete*, *master* → *Mr.*, *quite* → *q.t.*, *also* → *as* [4].

Модификация текстов прослеживается в формах представленности заглавия, аннотации, пересказа, афоризмов, аллегии, интертекстуальности. Процессы лексикализации и грамматикализации языковых единиц свидетельствуют о действенной силе создания новых слов и формантов [4]. Так, английская лексема *ten* превратилась в суффикс *-teen* (*thirteen*, *fourteen*), который стал исходной единицей для лексических дериваций *teeners*, *teeny*, *in (her) teens*. Модификациям подвержены поверхностные и глубинные структуры слов, словосочетаний и текстов [3]. Ср. русс.: *Идут за измами измы* (В. Маяковский). Действенно релевантным является феномен терминов («слуг двух господ»), например, производные от единиц наивной картины мира димензиональные слова типа англ. *foot*, *ell*, *span*, вовлеченные в процесс семантической эпидигматики. Подобное явление наблюдается и в кластерах полисемии, собственных имен. Ср. англ.: *The White House*, *green envy*, *green house*. В текстах иронического наполнения переосмысление (семантический сдвиг) основывается на игре слов, модификации исходных ситуаций [3]. В стихотворении *No enemies* заглавие контрастирует с финальной фразой, которая имплицитно авторское отношение к двуличным людям *yes people*. Модификация глобальных структур срабатывает как в НЕ, так и в КЕ. Так выражение *Veni, vidi, vici* в переводе представлено неожиданным вариантом русс. *Пришел, увидел, помолчи*. Замена последнего слова неэквивалентной лексемой придает изречению несерьезный, юмористический характер. Этот механизм срабатывает также при расширении и сворачивании исходных НЕ и

КЕ, при использовании дополнительных элементов. Ср. англ.: *not tide, but very tide*; русс. 'Не чистый, а очень чистый'. Интенсификаторами этого процесса выступают слова негации. Ср. англ.: *All day round service but now; a friend in need is not a friend in deed*. Здесь десемантизация исходного предложения верифицируется негативной лексемой *not* 'нет'. Процесс негации предполагает использование как локального, так и общего отрицания. Ср. англ.: *I have lived there not five years :: I have not lived there*.

Отрицание (кого-то, чего-то) каузируется наличием вербализируемого отрицательного маркера. Ср. русс.: *никто, ничто, нигде, никуда*; англ. *none, nowhere, nothing, nooner*. В предложениях отрицание при предикате превращает смысл исходной конструкции в свою противоположность. Ср. англ.: *I love not man the less but nature more; I have lived here five years but now; I am not unwell*. Несколько отрицаний типа укр. *Я не нездужаю нівроку* выражают позитивную оценку. Затруднительными для осмысления являются фразы типа русс. *Да нет, нет да*. Явление энантиосемии коррелирует со скрытой негацией, семантическим сдвигом, полисемией, модификацией, требующих особого толкования. На эпидигматическом векторе имеют место денотативные и коннотативные сдвиги: исходные параметры меняются путем отрицания того, что было в исходных формах. Сема отрицания актуализируется в словах и предложениях: это универсальное правило действует по принципам локальности и всеобщности. Отрицательные элементы – частицы, местоимения и аффиксы при НЕ и частицы, местоимения при КЕ актуализируют семантический антипод исходных единиц. Извлечь, убрать их из производных – значит лишить дериваты прагматически вербализованных интенций адресанта. НЕ, семантизирующие феномен отсутствия, негации, пропусков, ассоциируют с явлениями пустоты, лакунарности, отрешенности от реального мира, эффекта «Чего-то нет» на фоне того, что имеет место в действительности, в зоне ирреальности, вымышленности. Отсутствующие денотаты экстериоризируются, оязыковляются монолексемно и полилексемно.

Модификации подвергаются НЕ и КЕ в условиях отрицательных конструкций *Don't touch me!* → *Don't-touch-me look*; *Give me my money back or I'll kill you!* → *Give-me-my-money-back-or- I'll- kill- you expression*; *People come and go* → *come-and-go people*; *Good bye* → *God be with you*; *SOS* → *Save our souls*, а также при заменяемости КЕ → НЕ и наоборот НЕ → КЕ.

Общей для НЕ и КЕ является модификация слов, детерминируемая близким окружением: *small beer* 'свежее пиво', *small change* 'мелкие деньги' *small comfort* 'небольшой комфорт', *small deer* 'молодое поколение', *small hours* 'утренние часы', *small aleck* 'самоуверенный проходимец'. Несинонимичность грамматических паттернов объективируется семантикой лексических денотатов. Ср. англ.: *He paused to drink :: He paused drinking*.

Модификация НЕ и КЕ происходит в условиях бивекторности линейных и нелинейных парадигм на разных языковых уровнях. Общность НЕ и КЕ заключается в силе их синергетизма, в феномене самоорганизации, самостановления и самоконтроля (в наличии информации, материала и энергии), действующих в модусах Языка – Речи – Речевой деятельности. Актуальность исследования, например, дихотомии Слово::Малые тексты определяется не объемом объектов, а значимостью последних для разрешения поставленных проблем на материале не совсем серьезных текстов.

Тексты, как и номинативные единицы, открыты процессам сокращения и пролонгации, например, в сериалах, комментариях, текстах-домыслах. Как и слова, малые тексты (пословицы, изречения, рифмовки, загадки) относятся к готовым воспроизводимым единицам. Изменяемость и производность НЕ и КЕ каузируют появление вторичных образований, которые подвергаются семантическим сдвигам: от серьезного к несерьезному, от буквального к фигуральному, от практического к непрактическому, от очевидного к мистическому, от торжественного к юмористическому. Производность на уровне формальных модификаций прослеживается в корреляции притч и пословиц. Ср. англ. *Any would not work, neither should he it* (Bible) → *He who doesn't work, neither shall he it*; *A prophet is not without honor, save in his own*

country, and in his own house (Bible) → There is no prophet in the native country. Пословицы приобретают вторичное авторское дыхание. Ср. англ. *Two is company three is none → Three is company two is none; A wolf in sheep's clothing → A sheep in sheep's clothing (Goose); A devil is not so black as it is painted → Most women are not so young as they are painted (Beerholm).* В текстах-дериватах весомой является замена лексических единиц. Во вторичных юмористических текстах авторы прибегают к процессам сокращения, пролонгации и гиперсемантизации. Появлению новых «сентенций» предшествуют творческие поиски, интенции поделиться с партнерами интеллектуальной находкой, повлиять на их поведение. Временные и пространственные параметры авторских юмористических изречений (АЮИ) носят характер панхротоба. Абсолютный антропоцентризм АЮИ проявляется в наличии и взаимодействии коммуникантов. Рассуждения АЮИ представляют собой алогичное, нестандартное, неожиданное развитие авторской мысли [3]. Ср. англ. *When a man teaches something he doesn't know himself to somebody else who has no aptitude for it, and gives him a certificate of profiency, the latter has completed the education of a gentleman (A. W. Shaw).*

Неоднозначная представленность новой рече-мысли, ее дистанцирование от исходного материала объективирует появление новых модифицированных конструкций, полных контрастов и неожиданностей. Ср. англ. *You will never write a good book until you have written some bad ones (B. Shaw); The only way to get rid of temptation is to yield to it (O. Wilde); A dentist at his work in vocation always looks down in the mouth (Prentice).*

Игра мыслью, предыдущим опытом, устоявшимися традициями материализует нетривиальные суждения-инновации, создает юмористические эффекты.

Среди текстов малого жанра особое место занимают максимы, изречения выдающихся людей, в которых в сжатой форме реципиенту предлагается особое видение окружающего мира [3]. К текстам малого жанра относятся афоризмы, парадоксы, басни, грегории. Грегории – интересные, остроумные

изречения. Ср. метазнаки *красное слово*, *итришок*. Термин *грегерии* ввел в лингвистику Р. Гомес, который (термин), по его замечанию, близок японскому хокку (зарисовка с натуры в прозе). К грегериям относятся изречения из произведения «Плоды раздумья» К. Прудкова. Ср. русс.:

Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?

Эгоист подобен давно сидящему в колоде.

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Вакса чернит с пользой, а злой человек – с удовольствием.

Р. Гомес к грегериям относит остроумные определения с обыденной, будничной тематикой, а также изречения народной этимологии. Ср. русс.:

Жирафа – лошадь, преображенная любопытством.

Авторучки непослушны, как дети, – то не могут, то не хотят писать.

В потемках стулья так и норовят подставить хозяевам ножку.

Так и кажется, что у лебедя под крылом тетрадь со стихами.

Бензин – ладан цивилизации.

АЮИ «не уживаются» с традицией, они глубоко индивидуальны, рассчитаны на ошеломляющий эффект изошренных противоестественных мыслей.

Принципы кооперации, по Грайсу, частично срабатывают в АЮИ: действенными остаются принципы информативности и релевантности, максимы правды и манеры (ясности) носят условный характер. Нарушение постулатов ученого обуславливается коммуникативно-прагматическими установками, средствами их вербализации [2].

Малые тексты – это не только доноры творческого шарма, это не только эхо прошлого; это – энигматическое явление, объект научного изыскания, материал для поиска скрытых имманентных тенденций на векторе Язык – Речь – Речевая деятельность. Тексты малой формы не ограничены объемной параметризацией. Это – не лилипуты, а доноры для создания несерьезного, комического и неканонизированного. Среди метазнаков в научной картине

мира обособляются термины *малый жанр, малая форма, малая проза*. *Малая форма* ассоциирует с нехудожественными текстами, типа задачи, объявления, инструкции. *Малый жанр* ассоциирует с художественным дискурсом. Объем малой прозы дискутировался в России на фестивале в 1999 году, где был определен список малых текстов (афоризмы, паремии, тексты-лилипуты, тексты детской литературы) объемом до 2000 знаков.

Гетерогенность текстов является очевидной в их атрибутах: *большой/малый, серьезный/несерьезный, информативный/неинформативный, устный/письменный, практический/непрактический, вербальный/невербальный, эмоциональный/неэмоциональный, логичный/алогичный* и др. Любой текст – это элемент культуры (Что думаем? Что делаем?), результат канонизированной традиции, текст коррелирует с игрой по содержанию и с ритуалом – по форме. В АЮИ срабатывают дихотомии данное::новое, известное::неизвестное, тривиальное::нетривиальное, важное::неважное, типичное::нетипичное. В нетипичных текстах семантическая автономность по убыванию представлена последовательностью: афоризмы, пословицы, загадки, лимерики, скороговорки, которым не присущи фабульность, ригористичность, идейность [4].

Загадки, тексты малого жанра, валоративны для верификации формальных и содержательных структур, модификации исходных позиций вторичного конструирования гетерогенных тематических блоков, для различения полифункциональности, находчивости, оценки мудрости, зрелости, жизненного опыта, для регулирования когнитивного процесса, атрибута социализации человека. Эти черты актуализируются также в играх *Quiz* Что? Где? Когда? Специфика загадок состоит в реверсии блоков темы (искомой величины) и ремы (отмеченных маркеров-признаков) [1].

Полифункциональность языка не вызывает сомнения. Среди 27 функций языка лингвокреативная функция занимает доминирующее место, ассоциируя с одноименным мышлением, используемые в процессе генерации новых идей, аксиологических оценок.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Вопрос диалекта Мышление::Язык, их полифункциональности, полиаспектности представляется весьма валоративным в условиях действующей современной лингво-когнитивной парадигмы

Швачко С.О. Аломорфізм одиниць мови та мовлення: контрастивні аспекти. – Стаття.

Анотація. У статті розглядаються питання співвідношення номінативних та комунікативних одиниць, їх інтеграції у модусах мовлення та мовленнєвої діяльності. Ідентифікуються спільні та відмінні риси номінативних та комунікативних одиниць у статусі складників мови. Характеристики номінативних та комунікативних одиниць аналізуються у річищі епідигматики, на векторах словотвору та семантичних девіацій. Контрастивні аспекти подаються на матеріал їх поверхневих та глибинних структур. Фокусується увага на статусі номінативних та комунікативних одиниць як семіотичних знаків. Особлива увага приділяється процесам еволюції та інволюції, частиномовним трансформаціям (морфологічним та синтаксичним модифікаціям). Тексти малого жанру є предметом концептуального аналізу. Емпатується питання діалекта Мислення::Мова, їх поліфункціональності, поліаспектності, теоретичне осмислення яких є вельми валоративним в умовах діючої лінгво-когнітивної парадигми.

Ключові слова: аломорфізм, номінативні одиниці, комунікативні одиниці, семіотичні знаки, інтеграція, мова, мовлення, контрастивні аспекти, загальні та відмінні риси.

Shvachko S.A. Allomorphic Tendencies of Language and Speech Units: Contrastive Aspects. – Article.

Summary. The article in question deals with Nominative and Communicative units, their integrity in aspects of Speech and Speech Activities. Their common and distinctive features in terms of language modus are focused upon. Epidigmatic features are being sought after on the world-building and semantic vectors. Contrastive analysis considers outer and inner structures of the investigated objects. Nominative and Communicative units as semiotic signs are being analyzed in the domain of their evolution and involution processes, their morphological and syntactical modifications. Small stories of practical and impractical charge make the key item of the article. Diad Thinking::Language are considered in terms of polifunctionality and poliaspectedness. The investigation of the latter is of great linguo-cognitive vistas.

Key words: allomorhism, nominative units, communicative units, semiotic signs, integration, language, speech, contrastive aspects, common and distinctive features.

Литература

1. Анохіна Т. О. Семантизація категорії мовчання в англomовному художньому дискурсі / Т. О. Анохіна // Монографія. – Вінниця : Видавництво “Нова Книга”, 2008. – 160 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. 16. – 316 с.
3. Кобякова І. К. Креативне конструювання вторинних утворень в англomовному дискурсі / І. К. Кобякова // Монографія. – Вінниця : Нова книга, 2007. – 128 с.
4. Швачко С. О. Сяйво забутих слів : монографія / укладач С. О. Швачко. – Суми : Сумський державний університет, 2012. – 107 с.

УДК: 811.111'342'42:316.346.2

*Шкворченко Н.М.
(м. Одеса)*

ГЕНДЕРНІ ОСОБЛИВОСТІ ПРОСОДИЧНОГО ОФОРМЛЕННЯ АНГЛОМОВНОГО ОФІЦІЙНО-ДІЛОВОГО ДІАЛОГІЧНОГО ДИСКУРСУ КОМУНІКАНТАМИ РІВНОГО СЛУЖБОВОГО РАНГУ

Анотація. Стаття висвітлює актуальну проблему сучасної лінгвістики – просодичне оформлення англomовного діалогічного офіційно-ділового спілкування комунікантами різної гендерної належності. Стаття досліджує тональні особливості інтонування офіційно-ділового дискурсу мовцями чоловіками і жінками, які обіймають посади рівних ділових партнерів, що уможливорює побудову їхніх тональних мовленнєвих портретів у вигляді узагальненого тонального контуру.

Ключові слова: офіційно-діловий діалогічний дискурс, гендерна належність, мовленнєвий портрет, узагальнений тональний контур.